

ELEONORA SHAFRANSKAYA

 <https://orcid.org/0000-0002-4462-5710>

Бремя культуры — транскультурная миссия Аркана Карива

BRZEMIE KULTURY: TRANSKULTUROWA MISJA ARKANA KARIVA

Streszczenie: Artykuł poświęcony jest charakterystyce działań podejmowanych przez bohatera powieści Arkana Kariva *Переводчик (Тумасз)* i *Однажды в Бишкеке (Pewnego razu w Biszkeku)* — Martyna Zilbera. Istotą jego działalności jest tłumaczenie, zarówno w sensie bezpośrednim, jak i szerokim — transkulturowa misja bohatera. Analiza artykułu koncentruje się na modelach takiej aktywności: rosyjskim literaturocentryzmie, kulturowej intencji czynów i dążeń bohatera, jego językowym filologicznym słuchu oraz metempsychozie jako traumatycznej formie na drodze samoidentyfikacji w wielojęzycznym i wielokulturowym kontekście.

Słowa kluczowe: Arkan Kariv, Yuri Karabchievsky, literaturocentryzm, metempsychoza, tłumacz, kultura rosyjska

THE BURDEN OF CULTURE: THE TRANSCULTURAL MISSION OF ARKAN KARIV

Summary: The article examines the activities of the hero of the novels *Переводчик (Translator)* and *(Once in Bishkek)* by Arkan Kariv — Martin Silber. The essence of this activity is translation, both in the literal sense and in the broad sense — the transcultural mission of the hero. The article analytically focuses on the patterns of such activity: Russian literary-centricity, the culturological intention of the hero's actions and beginnings, his linguistic philological hearing, metempsychosis as a traumatic form on the path of self-identification in a multilingual and multicultural context.

Keywords: Arkan Kariv, Yuri Karabchievsky, literary centrality, metempsychosis, translator, Russian culture

В статье, рассматривающей поиск дома российскими репатриантами и его обретение в Израиле, речь идет о персонажах Дины Рубиной из романа *Вот идет Мессия!*¹ У рубинских героев всё сложилось: их поиск увенчался успехом, у некоторых, правда, трагически. Иной этический и экзистенциальный алгоритм изображается в романах Аркана Карива, несмотря на схожесть социально-исторических обстоятельств в текстах двух авторов.

¹ Э.Ф. Шафранская, *Поиск дома и «собачий» топоним в прозе Дины Рубиной*, «Iudaica Russica» 2020, nr 1(4), с. 40–55.

Аркан Карив создает героя, «репрезентирующего материнскую национально-культурную картину мира»² в стране, в которую он страстно стремился, укоренился в ней, изучив ее язык и культуру, однако остался транслятором «русскости» в иноязычной среде.

Главный герой романа *Переводчик* — Мартын Зильбер, он же рассказчик, дающий себе экстравагантные характеристики: «поручик Ржевский»³; «повеселевший и нахальный» (27), «Я думал, что я денди и плейбой, а присмотреться, так — просто засранец» (31), «Мне говорили, что я похож на итальянского фашиста, что мне пошло бы имя Бахыт Кенжеев, что мое место в чеченской мафии. И череп у меня лысый как коленка» (36), «библейский Иосиф» (43), «я выгляжу как чурка, я не чурка, а еврей» (63), «Мое имя на иврите становится другим. На английском — тоже. Почему же, интересно, набоковский барчук, мой тезка, ничего об этом не сказал?» (99), «Это я, Мартын Задека-Зильбер, переводчик и вазир-мухтар. Это меня отрядили на мирные переговоры с палестинской стороной» (159), «мастер метафорического перевода» (77). В этих характеристиках повторяется род деятельности Мартына Зильбера:

Господа, как вы, вероятно, догадались из названия, я — переводчик. В полном смысле этого слова. Я даже думал завести себе замазанный берет с вышитой золотцем буквой «П», чтобы при знакомстве натягивать его на голову. Да только невозможно ходить с буквой «П» на лбу в наше нелегкое смешливое время. Это также нелепо, как, например, кричать, где бы ты ни был: «Я — переводчик!» [...] я все перевожу. Буквально все (28–29).

После типичной для советской интеллигенции 1970–1980-х годов занятости — подальше от идеологических зон жизни — в дворницкой, Мартын Зильбер оказался в Израиле и стал концептуальным евреем. Иврит, история и культура Израиля — области достижения героя романа.

В свое время я был таким сионистом — ого-го! Тебе и не снилось! Какая-нибудь Голда Меир рядом со мной просто отдыхала! Ведь сионизм — я думаю, ты согласишься — как и любая идеология, силен тем, что способен ответить на самые сокровенные чаяния отдельных простых людей. И у меня была мечта. Да, у меня была мечта, Шмулик! Я вынашивал ее семь долгих библейских лет. С метлой и лопатой; в дождь и в снег; в кругу друзей и в вагоне метро; под музыку Вивальди и под гундение политинформатора; лаская ли подругу, утешая ли сам себя; во дни печали и в минуты

² Г.Т. Гарипова, *Ономастическая транскультуральность в романе Хамида Исмаилова «Мбобо», «Полилингвильность и транскультурные практики»* 2022, № 4, с. 100.

³ А. Карив, *Однажды в Бишкеке: Романы, малая проза*, Книжники, Текст, Москва 2013, с. 42. Далее ссылки на это издание — в тексте статьи в круглых скобках.

радости — я пламенно мечтал добраться до Израиля и припасть к народу своему (86).

Право жить там, где хочешь, пришло к советскому человеку непросто и не сразу, Мартын Зильбер — не диссидент, он из интеллигентской прослойки советской поры, выражавшей свой протест не активностью, но интеллектом:

Носик⁴?.. жил здесь, а теперь в Москве, мир, к счастью, стал широким — живи где хочешь, а мы ведь за это дело, можно сказать, кровь проливали... нет, нет, это я фигурально, но молодость, в общем-то, положили... помнишь: *не ма вольнощци без солидарнощци!*.. (61).

Однако случился некий ментальный кульбит: Мартын Зильбер активнее, чем на своей предыдущей советской родине, становится транслятором именно русской культуры. Она пронизывает его на молекулярном уровне: во всех обыденных и экзотических ситуациях, куда ни попадает, он цитирует, метафоризирует, каламбурит, пародирует, сопоставляет — с оглядкой на интертекстуальность и метатекстуальность русской культуры, вслух, во внутренних монологах, в реальных диалогах, эпатируя собеседников и рефлексирюя наедине. Современные исследователи отмечают, что такой принцип детерминирует *подвижность текстовой структуры*, когда на уровне «взаимопереходов текстов осуществляется механизм 'культурной памяти' как ключевого концепта понятия 'интертекстуальность'⁵, а следствием становится появление особого «метатекстового поля, полифонически ориентированного на диалогическое сопричастие в тексте нескольких равноправных 'голосов' (Михаил Бахтин)...»⁶. Вот несколько примеров:

Юппи сказал: «Пойду, договорюсь с таможней» (120);

В Синае мне в одночасье открылась та самая красота, которая, по одной версии спасет мир, а по другой — погубит, что, в сущности, одно и то же (112);

Дрыхнешь еще небось... А кто будет родину защищать? Пушкин?.. (23);

Фотограф Боря, похожий на актера Гринько харьковский богемщик с футляром на тощей шее... (47);

Синай похож на остров Чунга-Чанга: ешь кокосы-жуй бананы! [...] катаясь на верблюде! (109);

⁴ Антон Носик (1966–2017) — российский блогер и журналист, «отец Рунета», близкий друг Аркана Карива.

⁵ Г.Т. Гарипова, *Принципы миромоделирования в русской прозе XX века (неклассическая парад художественности)*: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.01.01, Владимир 2021. с. 147.

⁶ Там же.

Теперь у нас в запасе оставалось четырнадцать минут (110);
...худая поэтесса, известная в городе под кличкой Мать Героина... (48).

Разгадывать приведенные цитаты — отдельное интеллектуальное упражнение для читателя, особенно из поколения, не заставшего жизни в СССР: чтение становится культурологическим и филологическим комментированием. Почти все повествование романа соткано из цитат и аллюзий, реминисценций и мифологем советской повседневности — благодатный культурологический и филологический контекст. Переводчик Зильбер проводит сопоставительную работу разноэтнических паттернов двух культур:

Каждому бойцу выдали индивидуальный праздничный набор, состоящий из новенькой пасхальной посуды, коробки с фаршированным карпом и изданной армейским раввином *агады*, живо напомнившей мне своими рисунками учебник истории за пятый класс советской школы, в котором рассказывалось про древний Египет (160).

На земле Израиля, куда стремился и где обосновался Мартын Зильбер, он стал ощущать себя и восприниматься посторонними как «ограниченный русский контингент» (65), как мощный интеллектуальный вброс, буря и натиск: «Русские идут!» (81). Однако в плавильном котле языков и этносов не все так благополучно: разрыв с родиной, отрыв от корней редко приводил к гармонии, и вина в том не индивидуума, а государственных режимов. Хотя фраза Зильбера «Да разве им, ивритянам, понять нашу русскую душу!» (131) звучит иронично и ернически, однако в ней сокрыта проблема, боль самоидентификации, приведшая, возможно, к трагическому финалу самого писателя.

Музей русской жизни

Мартыну Зильберу приходит мысль организовать *Музей русской жизни* — собственно, роман *Переводчик* таковым и является. *Переводчик* — некий аналог ерофеевской поэмы *Москва-Петушки* в заграничном варианте:

Только у русского человека с похмелья может быть такой чистый, хрупкий, искренний голос с хрустальными вибрациями космических сфер. Накануне русский человек напился, он искал общения. Потом он заснул, но в несусветный утренний час недобрая сила подняла его, мягкого и беззащитного, и поразила непокоем. А будить других русских людей было еще неприлично рано. Часа два он страдал и морщился, пытался читать, хватал гантели, пил чай, включал телевизор, залезал обратно в постель и вскакивал с нее (23).

И даже аналог путешествия ерофеевского Венички в романе тоже есть: рассказчик организует читателю путешествие по Иерусалиму:

Я бы мог, например, открыть собственный бизнес и возить в микроавтобусе туристов. «Иерусалим Мартына Зильбера», тематическая экскурсия. Со временем она стала бы культовой, бизнес расширился; меня заменили бы профессиональные экскурсоводши — архивные девушки с чахоточным румянцем и зачесанными за уши русыми волосами. «Друзья! Попрошу минуточку внимания! Мы с вами проезжаем паб «Пророки». Сюда Зильбер попадает сразу по прибытии в Израиль; здесь он бурно отмечает репатриацию; влюбляется в девушку своей, как ему в тот момент кажется, мечты; танцует в ее честь на стойке бара стриптиз; получает бутылкой по голове от друга девушки, и приходит в себя уже в КПЗ, что на Русском подворье — мы сегодня побываем там, друзья, это недалеко — где и встречает первый на исторической родине рассвет...»

Потом экскурсантов везли бы в Старый Город. От Сионских ворот пешком под клекот гусей да петухов из-за стен армянского монастыря-коммуны, с заходом в каменный мешок под названием улица Арарат и остановкой у железных ворот с намалеванным на них масляной краской номером двенадцать. «В этом доме Зильбер проводит свою первую иерусалимскую зиму. Если нам повезет, и хозяйева позволит подняться наверх, вы сможете ближе ознакомиться с бытом и нравами...» (34–35);

Когда окажетесь в наших краях, то, если и не попадете на экскурсию «Иерусалим Мартына Зильбера», а станете, подобно многим другим гостям столицы, пить и гастрономничать дни напролет в мансарде *У Доброго Поэта*, вы, все равно, в какой-то момент неминуемо окажетесь возле Яффских ворот (45).

Находясь на военных сборах, Мартын Зильбер со своими друзьями, так же как он выехавшими из СССР, в палатке открывает «филиал музея русской жизни — походный вариант» (133). Палатка заполнена милуимниками (резервистами) разного этнического происхождения, говорящими на своих языках, примерно так, как бывало в казармах советской армии: «А вот, представьте себе: российская казарма. Три лица кавказской национальности оживленно пьют в своем углу. То как зверь они завоют, то заржут, как идиоты. Остальным их речь слышится примерно так: бздын-бздын-бздын — командир — бздын-бздын-бздын — [...] сержант...» (134).

Если Сухбат Афлатуни в рассказе *Русский музей*⁷ метафоризирует заглавием уходящую натуру — русскую культуру Средней Азии, представленную обломками и всякими экзо-

⁷ С. Афлатуни, *Русский музей* // С. Афлатуни, *Дикий пляж: Рассказы*, РИПОЛ классик, Москва 2016, с. 5–19.

тическими вещами⁸, и Александр Грищенко пишет с эсхатологическими обертонами о том же хронотопе (рассказ *Ребро барана*): «история в этом месте кончилась», «нигде русских не было больше, чем на кладбищах»⁹, то «музей русской жизни» Аркана Карива — вполне оптимистическая, живая институция, ведь в Израиле «на четверть бывший наш народ». Но «музей русской жизни» — это не «разговоры о важном», не официозные скрепы, а реальные картинки земной русской жизни: с проблемами питания, похмелья, с бытовыми сценами и разговорами «на кухне», то есть такими, которые не для уха «товарища майора»: «кухня воплощала своим размахом соборную мечту российской интеллигенции...» (67). «Кухня» — особая неподцензурная институция советской поры, «образовательное поле»: «Если хочешь выучить русский — сиди по кухням, кочумай. Если хочешь выучить иврит — в армию, филолог, в армию!» (124).

Русская литература

В повести современного автора из Ташкента — Сухбата Афлатуни *Глиняные буквы, плывущие яблоки*, изображающей в постколониальной рецепции советского учителя литературы, красноречиво представлена и советская «методика» преподавания литературы: при посредстве палки — в прямом и переносном смысле — ученики заучивали хрестоматийные тексты русской литературы. Возможно, отсюда истоки советской и отчасти постсоветской литературоцентричной культуры. И ее ярким воплощением предстает главный герой романа *Переводчик*. Куда ни падает взгляд Мартына Зильбера, все увиденное он пропускает через мир русской литературы и ее образов:

В отличие от шахмат, в нардах присутствует элемент удачи, а значит, полный набор мистических переживаний, знакомый русским писателям и другим авантюристам духа, которым необходимо чувствовать, как именно божественный случай ограничивает свободу нашей воли (74);

Манилов — самая трагическая фигура русской литературы, правда? Однако в тысячу раз трагичнее прожектера человек осуществленной мечты. У меня все было, капитан. Я не знаю, о чем еще мечтать. Мне хреново. Но на стрельбище я, так и быть, пойду (87–88);

⁸ См. Э.Ф. Шафранская, *О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе*, «Новое литературное обозрение» 2020, № 1(161), с. 291–306.

⁹ А. Грищенко, *Ребро барана: Рассказ*, «Октябрь» 2009, № 6, с. 145.

В лавке у Шимона я [...] в дверях столкнулся нос к носу с бабой-ягой из моих детских кошмаров — старухой-процентщицей Шамаловой-Беркович. «О!» — удивилась она. Потом вспомнила и обрадовалась: «О-о-о!» (26);

Неделю он провалялся с абсцессом [...] ему было мучительно больно за все прожитые годы (93);

Всю жизнь мы убегаем от банки с пауками, которой пригрозил нам Федор Михайлович. Вместо банки может быть что-то другое, но только это что-то всегда воплощает страшную, не оставляющую выхода скуку (75);

Я сижу на вышке в позе Наташи Ростовой, в фундаментальной позе моей юности (131).

Литературоведческие экзерсисы

Аркан Карив, не будучи филологом по образованию, филолог по призванию и ментальности, доверяет свои литературоведческие экзерсисы Мартыну Зильберу, создавая полуреальные и комические фрагменты. Один из них — наблюдение за двумя литературоведами, в одном узнаваем реальный персонаж, в другом — условный, но главное — в суждениях о персонажах рассказчика запечатлена «русская научная жизнь», одна из ниш «музея русской жизни». Комизм ситуации — в сдвоенных фамилиях: Вайскопфф и Шварцкопфф (это, конечно, вымышленные персонажи). Один из литературоведов был откровенным конформистом в науке: подвизался на теме *Няня и Поэт*: «Еще в шестьдесят девятом году в предисловии к юбилейному изданию он писал: 'В лице Арины Родионовны над колыбелью Пушкина склонилась вся крестьянская, вся народная Россия'» (40). Переехав в Израиль, он развенчал эту тему, назвав весь нарратив о няне Арине Родионовне вымыслом, создав в противовес не менее экзотический: «...он развенчивает легенду о святой патриархальной старушке, а затем в увлекательной и остроумной форме повествует о том, как в период михайловской ссылки бойкая няня поставляла Пушкину дворовых девок» (40). Таковы кульбиты русской научной жизни.

И еще одно филологическое наблюдение от Мартына Зильбера — лингвистическое:

А, все же, много жизни досталось мне! Бывал я дворником в Москве, бывал и солдатом почти в Африке. В составе оккупационного корпуса. Как Лермонтов. Перечитывая которого, кстати, я сделал недавно филологическое открытие. Маленькое, но блестящее. В «Герое нашего времени» встречается слово «кунацкая». Так русские офицеры называли свой клуб — от слова «кунак», означающего на местном языке «друг». А в израильской

армии солдатский клуб называется «сахбакия» — от арабского «сахбак»: «твой друг». С разрывом в сто пятьдесят лет, в двух разных уголках планеты колониальные армии занимаются одним и тем же словотворчеством! Изящная петля вышла во времени и пространстве (123).

Переводческая деятельность Мартына Зильбера сопряжена не только с прагматическими ситуациями перевода, но и с его картиной мира, в которой соединяются, казалось бы, несоединимые культуры и языки. Да и само повествование романа полиязычное: арабские, ивритские, польские фрагменты объединяют персонажей романа и создают вавилоноподобный локус, в котором есть место всем и каждому, а медиатор между ними — переводчик. И если метатекстуальный отец Мартына Зильбера (о чем мы сообщим ниже) рос и формировался в антисемитской советской реальности как социальный аутсайдер, то его метатекстуальный сын, герой *Переводчика* — гроза израильских милуимников (резервистов): приехав в военный лагерь, Зильбер «забывает палатку» для троих, русских, больше к ним никто не подселится, «страшась великого и ужасного русского языка» (82).

Анализируя роман Андрея Битова *Преподаватель симметрии*, структурированный как некий «перевод» Урбино Ваноски (пишущего героя, инвариант *homo scribens*) книжки неизвестного английского автора Э. Тайрд-Боффина *The teacher of symmetry*, исследователь Гульчира Гарипова отмечает концептуальность использования жанрового концепта «перевод» как семиотического знака:

А. Битов не случайно дает подобное жанровое определение романа, к тому же заключая слово «перевод» в кавычки, — он подчеркивает тем самым не прямую, а метафорический смысл своего произведения. Писатель кодирует в метафоре «книги» (для А. Шопенгауэра, например, *книга всегда была равна только метафоре*) некий несуществующий оригинал (своего рода инвариант постмодернистского симулякра), «переводя» воображаемое, в сознании созданное, бытие в некий эстетический знак, заключая форму и содержание в особый текстовой лабиринт «интеллектуальной игры». Читатель призван эстетически «играть» в лабиринтах данной «книги бытия» культуры, декодируя и расшифровывая разного рода знаки – мифологемы и культурологемы — только так разгадывается смысл модели жизни героев романа, которая одновременно с такой воспринимающей интерпретацией и творится. Поэтика параллельного *творения-интерпретации* текста-книги и жизни лежит и в основе романа У. Эко *Имя Розы*. [...] И А. Битов, и У. Эко решают проблему перевода как одну из форм интеллектуального мифа-игры¹⁰.

¹⁰ Г.Т. Гарипова, *Художественная модель бытия в литературе XX века*, Издательство, Ташкент 2012, с. 241–242.

Аркан Карив также инициирует интерпретирующее сознание и автора, и читателя, как интертекстуальное медиаполе, выводящее в культурный полилог метатекстуальных интеллектуальных смыслов.

Русский язык

Описание любой ситуативной модели поведения в русской речи Мартына Зильбера — это прямые или разомкнутые цитаты из русского мейнстрима: песенного дискурса, фольклора повседневности, кинотекстов:

...беря пример вон с той бодрой американской babushki лет восьмидесяти в оранжевых бриджах и кедах на босу ногу (46);

И боль, что скворчком стучала в виске, стихает, сука, стихает... Не, я тебе говорю: не посадит! Даст неделю условно, и разоидетесь как интеллигентные люди (148);

Вот отслужу как надо, вернусь домой, буду работать... (117);

А у нас в Израиле для солдата, знаешь, что главное? — чтобы его далекая любимая ждала! (62);

Зах, сияющий как тульский пряник (161).

Мы не считаем такую речь романного героя достоинством. Она — продукт советской жизни, гипертрофированный образец не *homo sovieticus*, а его антипода, саркастичного, не принимающего на веру и к авторитету официальный дискурс (а фразы из литературной классики — это в большей степени «расшаренный» официоз). Большинство прецедентных текстов даны в занимающем и ироничном контексте: «Кто это там, в замазанном берете, с послом арабским говорит?» (159), «Шаркающей кавалерийской походкой в аляповатых иерусалимских декорациях вошел в русскую речь весенний месяц нисан» (22).

Переводческий алгоритм работает в картине мира Зильбера на каждом шагу: он сравнивает и сопоставляет: «Чтоб московский наш батон душистый назывался словом булка!?» (121),

У русских (Аксенов подметил) есть удивительная страсть называть уменьшительно-ласкательными именами продукты питания: хлебушек, маслице, яички... В возрожденном иврите уменьшительно-ласкаются имена людей: министр Ицик, премьер-министр Биби, мой психоаналитик Роник. И вот тебе, опять же, площадь Давидки... (69).

Рассказчик прибегает к глоссам: «В нарды или, как их у нас называют, шеш-бэш, я страшно люблю играть» (73). Словом, род деятельности Мартына Зильбера — переводчик — это не «кадровые данные», а суть и смысл его личности.

Отец и сын

Основное фабульное действие романа *Переводчик* — заезд в военный лагерь, на базу милуимников (резервистов): «Может быть, я мало повидал в жизни, и беден круг моих ассоциаций, но явка на базу Кциот слишком напоминает заезд в пионерский лагерь, чтобы я отказался от этого сравнения» (81). Такое сравнение объяснимо не только багажом человека с советским бэкграундом. Аркан Карив — сын писателя Юрия Карабчиевского, представителя неподцензурной литературы 1970–х годов, участника знаменитого *МетрОполя*. Один из романов Карабчиевского — *Жизнь Александра Зильбера*, в котором повествуется о жизни героя — с детства до возмужания — еврея Зильбера, советского интеллигента, с кучей комплексов, рожденных антисемитским советским окружением. «Эй, Ёся! — кричат они (дети. — Э.Ш.) почти хором. — Ты зачем наши русские деревья ломаешь?!»¹¹. Характерна сцена из романа Карабчиевского: послевоенное время, пионерский лагерь, разговор между подростками идет об отцах — кто кем работает.

Естественно, высказываются только те, у чьих отцов профессия яркая, конкретная: шофер, офицер, токарь. У Савицкого, я знаю, отец начальник, какой-то большой человек в наркомате, но Савицкий молчит, что тут можно сказать, начальник — это ведь не профессия. Кто-то вдруг говорит: «Погиб». Я тоже влезаю: «Да-да, и у меня погиб», — хотя меня-то как раз никто и не спрашивал. Но тут наступает очередь Самойлова.

– Поги-и-иб? — тянет он с удовольствием, далеко выпячивая нижнюю губу. — И-и-ди болтать, тоже погиб — помер небось от поноса!

Эта шутка нравится, все смеются. Слезы застилают мне глаза, забивают глотку.

– Да ты что! — силплю я. — Да ты что, ты что!..

– Да ниче! Да евреи, если хочешь знать, на фронте не были, по домам на печках сидели. Ну вот, Эдик, скажи, воевали евреи?

Умненький, гладенький, очкастенький Эдик, наш «профессор», или, как сказали бы теперь, интеллектуал, смотрит трезвым невидящим взглядом.

– Да, пожалуй, это факт, ничего не скажешь. Евреев на фронте было очень мало. [...]

– Эдик! — прорываюсь я наконец. — Эдик, ну что ты, ну погиб же у меня в сорок втором, я же пенсию получаю!..»¹²

¹¹ Ю. Карабчиевский, *Жизнь Александра Зильбера* // А. Карив. Переводчик, Ю. Карабчиевский. *Жизнь Александра Зильбера*, Мосты культуры, Москва 2001, с. 151.

¹² Там же, с. 154–155.

Не уверенный в себе Александр Зильбер постоянно попадает в ситуации, откуда выходит осмеянным. Он связывает черты своей личности: нежелание и неспособность соревноваться, отличаться от остальных — с этническим изгойничеством. «Типичный образ мысли отстающего и слабого. Что уж тут размусливать! Проигрывал, проигрывал, всегда проигрывал, вот и выработался комплекс неполноценности»¹³. Шло время. У взрослого Зильбера рождается сын, которого он решает воспитать сильным и умеющим дать отпор антисемитам (о чем уже пишет Аркан Карив в романе *Однажды в Бишкеке*, ставшем продолжением его *Переводчика*).

Мартын Зильбер Аркана Карива — это сын *Александра Зильбера* Юрия Карачиевского (не беда, что отчество литературного сына отличается, художественные издержки). И главное — сами создатели этих текстов находятся в отношении сына и отца. О родственной связи в романе — как героев, так и их создателей — нет ни слова. Только фамилия героев. Но все жизненные перипетии Зильбера-младшего опосредованно связаны с жизнью Зильбера-старшего.

Карачиевский начинает свой роман с описания пионерского лагеря как спецзоны советской повседневности:

Пионерский лагерь — вот знак моего детства. [...] Мы говорим «лагерь» — и мрачные призраки обступают это слово со всех сторон, и толпятся, и машут черными крыльями. Но мы говорим «лагерь» и добавляем «пионерский», и это действует, как крестное знамение¹⁴.

С описания лагеря начинается и роман Аркана Карива *Переводчик* — лагеря солдат-резервистов армии Израиля. Типология, противопоставление, сравнение с пионерским лагерем — в этих позициях строится повествование Аркана Карива.

Молодой Зильбер, как и Зильбер старший, занимается спортом — из-под палки. Его отец, безуспешный на этом поприще, хочет, чтобы сын вырос русским богатырем, детали такого воспитания мы находим в романе *Однажды в Бишкеке*:

Я думаю, будь в те времена в Москве гладиаторские школы, он бы меня и туда пристроил. Поскольку гладиаторских школ в Москве не было, папа, дождавшись, когда мне исполнится десять, сдал меня в самбо. Перед этим он поговорил со мной, как со взрослым. Он открыл мне безрадостную перспективу: евреев в этой стране били и будут бить. Поэтому надо быть очень сильным. Сам папа не смог стать очень сильным, потому что в юности у него подозревали порог сердца. Зато он укрепил свой дух. Я же дол-

¹³ Там же, с. 188.

¹⁴ Там же, с. 147.

жен вырасти сильным не только духом, но и телом. Мне очень хотелось попросить папу, чтобы он разрешил мне тоже укреплять только дух, но я побоялся его расстраивать. [...] Папа задышал часто-часто, потом произнес почти шепотом: «Бросишь самбо — я тебе больше не отец». И вышел из комнаты. И я даже сейчас физически помню, как переполнила меня лютая ненависть. Я ненавидел евреев! (382–383).

Связь романов Аркана Карива с романом Карабчиевского очевидна. Эти произведения — *палимпсесты*, сквозь каждый читается текст-«родственник». (Безусловно, речь идет о читательской рецепции XXI века, когда оба романа зажили как текст-дуэт.)

И темы у обоих авторов, отца и сына, — одни и те же, и переклички на уровне повторов, реплик узнаваемы, однако звучание у каждого свое, пожалуй, по отношению друг к другу — антитетичное. Если Александр Зильбер — страдалец и изгой, то Мартын Зильбер, также находящийся в инокультурной среде и ассоциируемый местными с «русит» (русским языком), иронично называющий себя «ограниченный русский контингент», — хозяин положения: он самоуверенно отстаивает свои права.

Иноэтнокультурный текст

Ожидание прихода спасителя — главная ментальная черта еврейской культуры, а национальная картина мира, несомненно, «дефинирует генезис метасознания»¹⁵. Не подвел в этом аспекте и Аркан Карив: в романе *Переводчик* в одной из своих «телег» (структурная единица романа *Переводчик*, фрагменты воспоминаний из жизни, предшествовавшей его роли милуинника) пишет о случайной встрече с городским сумасшедшим:

Сын Моей Страны, на вид лет двадцати пяти, был неприлично возбужден и заикался от восторга. «Ч-ч-чувак! Мы вы... вы... вы... — в рай! Чувешь, ч-ч-чувак?!» Он оказался болезненно любознательным вагантом, ни на минуту не выпускающим из рук огромной зашмальцованной тетради в клеточку. Едва мы присели за столик и взорвали первый джойнт, он торопливо распахнул ее и, декламируя вслух, записал мысль: «Как хорошо курить траву с другом в Амстердаме!» Потом посмотрел мне в глаза: «Что ты думаешь об искусстве?»

Конечно, надо было бежать, но с этими блаженными поначалу никогда точно не знаешь: а вдруг ты напоролся аккуратно на Иисуса?! И я остался, чтобы говорить об искусстве (54)

¹⁵ Г.Т. Гарипова, *Полилингвизм и транслитературность в контексте метафигуральных стратегий Хамида Исмаилова*, «Полилингвистичность и транскультурные практики» 2020, т. 17, № 1, с. 79.

Тем самым герой транслирует мифологию повседневности еврейской жизни: а вдруг это Мессия, и он уже пришел?¹⁶

Здесь, в Иерусалиме, средоточии множества религий, культур и языков, опасность, исходящая от другого, – реалья повседневности: с арафаткой¹⁷ на плечах, Мартын Зильбер намеревается пройти израильский патруль, который принимает его, «небритого лысого русского» (71), за палестинца:

Взяв с прилавка, она набросила мне на плечи арабский платок под названием куфия, а в русском просторечьи — арафатка. В красный ромбик. «Это для тебя, подарок». Я вздрогнул от благодарности и тут же прикинул, что гулять в куфии по объединенному Иерусалиму должно быть не менее увлекательно, чем шпацировать с желтой звездой на груди по оккупированной немцами Варшаве (56–57).

Метемпсихоз

Возможно, метемпсихоз — черта личности, сознание которой находится в состоянии культурного фронта, бесконечного сопоставления разных культур и языков. Личности, которая погружена в осознанный или бессознательный поиск своей самоидентификации. Так рефлексивует и Мартын Зильбер:

Каждый гнет свою линию, даже ангел. Не помню, какие эксперименты проводились надо мной в прошлых инкарнациях, но могу догадаться, что все они были отзвуком той давнишней ангельской шалости. Выбора у меня, поэтому, особого нет: чтобы получился хэппи-энд, я должен проявить смекалку, преодолеть все трудности и, под конец, наполнить форму содержанием, утерев нос низко падшему ангелу и порадовав Отца (59).

Желание выбрать какую-то иную форму существования или обличья диктуется предлагаемыми ситуативными обстоятельствами. Так, однажды Мартын Зильбер предстал в облике Арминия Вамбери, мифологизированного, особенно среди мусульман, до шпиона¹⁸. Фигура и имя Вамбери до сих пор

¹⁶ Речь идет об «иерусалимском синдроме» — это психическое расстройство, мания мессианства; синдром включен в реестр заболеваний Израиля (см. Э.Ф. Шафранская, *Современная русская проза: мифологический ракурс*, Ленанд, Москва 2015, с. 41; Э.Ф. Шафранская, *Синдром голубки: Мифопоэтика прозы Д. Рубиной*, Свое издательство, Санкт-Петербург 2012, с. 128).

¹⁷ Арафатка — куфия, мужской головной платок у арабов; *арафатка* — русскоязычная версия названия куфии, от имени Ясира Арафата.

¹⁸ См. об Арминии Вамбери: Э.Ф. Шафранская, «Шпион» Арминий Вамбери, «Звезда» 2015, № 8, с. 206–218; или: Э.Ф. Шафранская, *Арминий Вамбери: культурный подвиг ориенталиста // Русская литература и культура в полиэтнической среде и междисциплинарном контексте современного образования: Избранные лекции для магистрантов*, в 2 книгах, Московский городской педагогический университет, Москва 2016, книга 2, с. 108–127.

в метатексте культуры носит символический статус колониальных метаморфоз и авантюры:

...Как только я сорвал с головы платок, все закричали: «Джасус! Джасус!» И набросились на меня с тумаками и палками. [...] Я знал, что означает это слово. Из прессы знал. Так палестинцы называют тех, кто сотрудничает с израильскими спецслужбами. Джасус по-арабски значит «шпион» (216).

Этот фрагмент из романа *Однажды в Бишкеке* Аркана Карива — аллюзия на экстремальное путешествие Арминия Вамбери. Эта историческая фигура волнует Мартына Зильбера, представляется ему одной из возможностей перевоплощения, что подтверждается неоднократным упоминанием имени венгерского путешественника в прозе Аркана Карива.

Подытоживая сказанное, отметим: транскультурный вектор как в реальном, так и в литературном пространстве, один из главенствующих в современном мире, несет не только благо в регистре взаимодействия культур и «народов», но и драмы, а порой и трагедии — в регистре самоидентификации личности, что отражено в судьбе писателя Аркана Карива и его героя.

Библиография

- Aftatuni S., *Russkiy muzey* // S. Aftatuni, *Dikiy plyazh: Rasskazy*, RIPOL klassik, Moskva 2016, pp. 5–19 [Афлатуни С., *Русский музей* // С. Афлатуни, *Дикий пляж: Рассказы*, РИПОЛ классик, Москва 2016, с. 5–19].
- Garipova G.T., *Onomasticheskaya transkul'tural'nost' v romane Khamida Ismaylova "Mbobbo"*, "Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki" 2022, no. 4, pp. 100–108 [Гарипова Г.Т., *Ономастическая транскультуральность в романе Хамида Исмаилова «Мбобо»*, «Полилингвильность и транскультурные практики» 2022, № 4, с. 100–108].
- Garipova G.T., *Khudozhestvennaya model' bytiya v literature XX veka*, издательство, Tashkent 2012, [Гарипова Г.Т., *Художественная модель бытия в литературе XX века*, издательство, Ташкент 2012].
- Garipova G.T., *Polilingvizm i transliteraturnost' v kontekste metafiksional'nykh strategiy Khamida Ismaylova*, "Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki" 2020, t. 17, no. 1, pp. 78–87 [Гарипова Г.Т., *Полилингвизм и транслитературность в контексте метафикциональных стратегий Хамида Исмаилова*, «Полилингвильность и транскультурные практики» 2020, т. 17, № 1, с. 78–87].
- Grishchenko A., *Rebro barana: Rasskaz*, "Okt'yabr" 2009, no. 6, pp. 139–146 [Грищенко А., *Ребро барана: Рассказ*, «Октябрь» 2009, № 6, с. 139–146].
- Karabchiyevskiy Yu., *Zhizn' Aleksandra Zil'bera* // A. Kariv, *Perevodchik*, Yu. Karabchiyevskiy, *Zhizn' Aleksandra Zil'bera*, Mosty kul'tury, Moskva 2001, pp. 141–365 [Карабчиевский Ю., *Жизнь Александра Зильбера* // А. Карив. *Переводчик*, Ю. Карабчиевский, *Жизнь Александра Зильбера*, Мосты культуры, Москва 2001, с. 141–365].
- Kariv A., *Odnazhdy v Bishkeke: Romany, malaya proza*, Knizhniki, Tekst, Moskva 2013 [А., *Однажды в Бишкеке: Романы, малая проза*, Книжники, Текст, Москва 2013].

- Shafranskaya E.F., *Poisk doma i "sobachiy" toponim v proze Diny Rubinoy, "Iudaica Russica"* 2020, no 1(4), pp. 40–55 [Шафранская Э.Ф., *Поиск дома и «собачий» топоним в прозе Дины Рубиной, «Iudaica Russica»* 2020, nr 1(4), с. 40–55].
- Shafranskaya E.F., *O russkom oriyentalizme, "russkom mire" v kolonial'noy literature i ikh pereosmyslenii v postkolonial'noy literature, "Novoye literaturnoye obzreniye"* 2020, no. 1(161), pp. 291–306 [Шафранская Э.Ф., *О русском ориентализме, «русском мире» в колониальной литературе и их переосмыслении в постколониальной литературе, «Новое литературное обозрение»* 2020, № 1(161), с. 291–306].
- Shafranskaya E.F., *Sovremennaya russkaya proza: mifopoeticheskiy rakurs*, Lenand, Moskva 2015 [Шафранская Э.Ф., *Современная русская проза: мифопоэтический ракурс*, Ленанд, Москва 2015].
- Shafranskaya E.F., *Sindrom golubki: Mifopoetika prozy D. Rubinoy*, Svoye izdatel'stvo, Sankt-Peterburg 2012 [Шафранская Э.Ф., *Синдром голубки: Мифопоэтика прозы Д. Рубиной*, Свое издательство, Санкт-Петербург 2012].
- Shafranskaya E.F., *"Shpion" Arminiy Vamberi, "Zvezda"* 2015, no. 8, pp. 206–218 [Шафранская Э.Ф., *«Шпион» Арминий Вамбери, «Звезда»* 2015, № 8, с. 206–218].
- Shafranskaya E.F., *Arminiy Vamberi: kul'turnyy podvig oriyentalista // Russkaya literatura i kul'tura v polietnicheskoy srede i mezhdistsiplinarnom kontekste sovremennogo obrazovaniya: Izbrannyye lektsii dlya magistrantov*, v 2 knigakh, Moskovskiy gorodskoy pedagogicheskiy universitet, Moskva 2016, kniga 2, pp. 108–127 [Шафранская Э.Ф., *Арминий Вамбери: культурный подвиг ориенталиста // Русская литература и культура в полиэтнической среде и междисциплинарном контексте современного образования: Избранные лекции для магистрантов*, в 2 книгах, Московский городской педагогический университет, Москва 2016, книга 2, с. 108–127].